

## ПОМАРАНЧЕВЫЙ МИР НАД МАЙДАНОМ: СОЦИАЛЬНАЯ ДИСТАНЦИЯ КАК ИНДИКАТОР КОНСОЛИДАЦИИ ОБЩЕСТВА

### Введение

Термин *социальная дистанция* был введен в научный оборот в начале XX века с целью измерения степени взаимопонимания и социально-психологической близости в межличностных и межгрупповых отношениях. Первые попытки операционализации и измерения этого понятия были предприняты американским социологом Э. Богардусом в 20-х годах минувшего столетия при исследовании расовых и этнических установок. Под социальной дистанцией между двумя национальными группами подразумевалась степень предпочтения членами одной из них представителей другой в качестве партнеров в межличностном общении, их готовности пойти на контакты с представителями конкретных этнических групп [1].

Однако шкала социальной дистанции может иметь более широкое применение. Она позволяет измерить эмоционально-психологическую установку людей на возможность межгрупповой интеграции либо обособленность (изоляционизм). Она отражает определенную психологическую готовность к сближению или, наоборот, отмежеванию от представителей других социальных групп, независимо от их личностных качеств, достоинств и недостатков. Предпочтение представителей той или иной группы как партнеров в межличностном общении определяется через направленность установки на групповую принадлежность эвентуального партнера (положительную или отрицательную). Партнер в межличностном общении – это лицо, выполняющее конкретную социальную роль: *равностатусную* (например, сосед, супруг) или с иным социологическим статусом в системе отношений. Ответы респондентов позволяют определить социальную дистанцию, которую они хотели бы сохранить между собой и представителем той или иной социальной группы. Шкала, выявляющая уровень такой готовности, может варьировать от «допускаю в мою семью» до «допускаю в мою страну». Динамика индексов социальной дистанции за ряд лет позволяет составить суждение о направлениях развития массового сознания – то ли в сторону укрепления консолидации общества, то ли в сторону группового изоляционизма.

Для построения интегрального показателя социальной дистанции используется шкалограммный анализ Л. Гуттмана, который фиксирует положение респондента на одномерном континууме и квалифицирует его обобщенную установку на объект [2, 3]. Необходимое требование шкалограммного анализа – одномерность шкалы: все вопросы касаются отношения к партнеру определенной групповой принадлежности в различных ипостасях.

### Методика

Методика Богардуса была модифицирована, адаптирована и апробирована в 1990-1991 гг. украинскими социологами Н. В. Паниной и Е. И. Головахой для изучения уровней межнациональной толерантности [4]. Предложенная ими шкала социальной дистанции построена по кумулятивному принципу, что позволяет определить индекс (балл) социальной дистанции в отношении представителей той или иной национальности: респондент отвечает на вопросы, согласен ли он допустить их в качестве члена семьи (1 балл), близких друзей (2 балла), соседей (3 балла), коллег по работе (4 балла), жителей Украины (5 баллов), туристов (6 баллов). Если респондент не желает их присутствия в стране, его ответ оценивается 7 баллами. Таким образом, 1 балл означает максимальную этническую толерантность, а 7 баллов – крайнюю нетерпимость. Среднее значение балла для той или иной этнонациональной группы – это определенный показатель психоэмоциональной установки на межнациональные отношения, названный Н. Паниной и Е. Головахой индексом национальной дистанцированности. *Средняя арифметическая взвешенная величина индекса социальной дистанции относительно любой этносоциальной группы является усредненным показателем отношения к представителям той или иной национальности. Кроме того, рассчитывается интегральный индекс национальной дистанцированности, который отражает усредненное совокупное отношение населения ко всем национальностям за исключением украинцев, русских и украинской диаспоры.*

Автор статьи использует методику Н. Паниной и Е. Головахи для измерения градуса напряженности межгрупповых отношений в столице Украины, как они оценивались респондентами-киевлянами на момент проведения социологического опроса в столице между вторым туром выборов Президента Украины 30 ноября 2004 г. и его переголосования 26 декабря того же года. В данном случае 1 балл означает максимальную межгрупповую толерантность, а 7 баллов – крайнюю нетерпимость. В качестве представителей различных групп выступают жители различных регионов Украины, люди других национальностей,

граждане России, Беларуси, других стран СНГ, США, а также Европейского Союза. Анализируется отношение киевлян к представителям другого социального статуса, других политических взглядов, других верований и конфессий, людям с физическими недостатками или слабого здоровья, а также представителям маргинальных групп – ВИЧ-инфицированным, людям с криминальным прошлым, больным СПИДом, наркоманам.

Распределение населения столицы по уровню межгрупповой толерантности оценивается по значениям индекса социальной дистанцированности. Если этот показатель не превышает значения 4 баллов, это свидетельствует о *толерантном отношении* к представителям данной группы. Если значения индекса социальной дистанцированности превышает 4 балла, однако не выходят за пределы 5 баллов (пусть живут в Украине, однако контакты с ними нежелательны), тогда отношение к номинантам этой группы может быть определено как *обособленность*. К третьему уровню принадлежат представители тех групп населения, отношение к которым определяется индексом выше 5 баллов, однако не более 6 баллов. Этот уровень характеризуется стремлением к *изолированности*, которую следует интерпретировать как нежелание видеть представителей этих социальных групп в качестве граждан страны, хотя при этом допускается их пребывание в ней в ипостаси туристов либо гостей. И, наконец, четвертый уровень знаменует отношение к представителям той или иной социальной группы как крайнюю степень нетерпимости – *ксенофобию*. В этом случае индекс социальной дистанцированности превышает 6 баллов, что означает полный отказ представителям данной группы во въезде в страну [5, с. 445-449].

### **Социальная дистанция жителей столицы по отношению к представителям разных социальных групп**

Вернемся мысленно во времена “зимы тревоги нашей” под помаранчевыми стягами. Между вторым туром президентских выборов и его переголосованием в декабре 2004 г. Институтом социологии НАНУ был проведен в столице опрос общественного мнения ее жителей по актуальным проблемам города и социального самочувствия различных слоев столичного населения<sup>1</sup>.

Какими могли быть результаты этого опроса, проведенного в период «уменьшения потенциала миролюбия в Украине» в связи с нарастающей динамикой протестных

---

<sup>1</sup> Проект осуществлялся под руководством д. э. н. Саенко Ю. И. Опрошено 800 респондентов. Выборка репрезентирует взрослое население Киева по основным социально-демографическим характеристикам. Ошибка репрезентативности не превышает 2.8%.

настроений? В таких терминах определяют ситуацию, которая складывалась в стране с конца 1990-х годов, Н. Панина и Е. Головаха [6, с. 189]. Чего можно было ожидать в конце 2004 г. от “разорванной помаранчево-блакитной нации, стоявшей перед серьезными вызовами и непростыми выборами”? Именно так квалифицирует украинское общество времен Помаранчевой революции Виктор Степаненко [7, с. 26].

Однако полученные нами данные свидетельствуют о редком миролюбии и толерантности, царившими в столице в конце уходящего 2004 года. Мы не увидели никаких различий в отношении киевлян к жителям всех без исключения регионов Украины: индекс социальной дистанционности оказался практически одинаковым для всех – 3.66-3.77, что указывает на готовность обитателей столицы к близким социальным контактам – семейным, дружеским, соседским, производственным, с представителями любого региона страны [Табл. 1].

Заметим, что и индекс социальной дистанции, которую жители столицы хотели бы сохранить между собой и представителями других национальностей, свидетельствует о высоком уровне их межнациональной толерантности (3.86 балла). Киевляне ставят в один ряд и жителя любого региона страны, и представителя любой другой национальности.

Когда же речь заходит о гражданах других стран, будь это Россия или Беларусь, страны СНГ или европейского Союза, не говоря уже о гражданах США, социальная дистанция увеличивается, а ее индексы (от 4.05 до 4.37) свидетельствуют о стремлении столичных жителей к обособленности от них. Все эти граждане находятся за чертой, отделяющей своих от чужих. Они еще не чужие (особенно граждане России и Беларуси), но уже не свои. Они другие. Их предпочитают видеть либо в качестве постоянных жителей Украины, либо ее гостей. Тесные связи и контакты с ними – родственные, дружеские, соседские, профессиональные, вряд ли оказались бы распространенным явлением. Та же социальная дистанция отводится массовым сознанием киевлян людям иного социального статуса, другой веры и других политических взглядов, людям с физическими изъянами и слабого здоровья (от 4.07 до 4.16). Отметим, что значения индексов социальной дистанции по отношению к представителям этих групп близки к оценкам готовности столичных жителей к контактам с их соотечественниками из других регионов страны.

А вот лица, только что освобожденные из мест заключения, ВИЧ-инфицированные, больные СПИДом и люди с криминальным прошлым занимают в сознании жителей столицы более далекую нишу. По шкале социальной дистанции они оцениваются индексом более 5 баллов. Это значит, что они не рассматриваются даже в качестве постоянных жителей



Крайнее неприятие наркоманов жителями столицы оценивается индексом социальной дистанцированности 6.18 баллов. Им не место в столице, им не место в Украине. Однако наркомания – тема отдельного разговора. Это тяжкий, очень часто смертельный недуг. И страдающие им люди нуждаются скорее в участии общества, нежели в остракизме.

Интегральный индекс социальной дистанции по отношению к представителям разных социальных групп составил в Киеве в декабре 2004 г. 4.39 балла по семибальной шкале, что соответствует 58 баллам по 100-бальной шкале. Точка 50 баллов на этой шкале является отметкой, разделяющей положительное (толерантное) и отрицательное (нетолерантное) отношение к членам других социальных групп. Таким образом, оценка толерантности столичных жителей по отношению к представителям других социальных групп очень близка к этой средней отметке, знаменующей нейтральную позицию. Если же не принимать во внимание индексы социальной дистанцированности киевлян от представителей стигматизированных групп при расчетах интегрального индекса социальной дистанции, то величина последнего составит 3.98 балла, что соответствует уровню безусловной толерантности.

Итак, мы можем утверждать, что над столичным Майданом времен Помаранчевой Революции витал дух миролюбия и единения, и не было там даже намека на драму “разорванной ”помаранчево-блакитной” нации. Так было в столице, но было ли так везде, во всех регионах страны? К сожалению, мы не располагаем достаточным материалом для всеобъемлющих выводов. Тем не менее в нашем распоряжении имеются данные ежегодных социологических опросов населения, которые проводит Институт социологии НАН Украины с 1994 г. в рамках проекта “Украинское общество: мониторинг социальных изменений”. Программа этого исследования предусматривает измерение уровней национальной толерантности и национальной обособленности в Украине с помощью шкалы социальной дистанции Богардуса.

Н. Панина, анализируя результаты измерения скрытых (латентных) психологических интенций в сфере межнациональных отношений, приходит к неутешительному выводу об укреплении неблагоприятной тенденции к росту национальной изолированности и ксенофобии в массовом сознании жителей Украины с конца 1990-х годов. Отмечает она и снижение уровня самотолерантности: рост социальной дистанции по отношению к представителям титульной нации – украинцам, а также к русским и белорусам [5, с. 453]. Особое внимание Н. Панина обращает на зафиксированный в 2002 г. в Украине качественный “скачок” от национальной толерантности и обособленности к изолированности и ксенофобии. Вызывает тревогу, пишет исследователь, разрастание

ксенофобских установок: численность группы ксенофобов выросла за 1992-2002 гг. более чем вчетверо. Одновременно более чем в три с половиной раза уменьшилась доля толерантных граждан в Украине [5, с. 454]. Н. Панина связывает перелом в общественном сознании населения Украины, проявившийся в увеличении социальной дистанции относительно представителей преобладающего числа других национальностей, с террористическим актом в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года [8, с. 69].

Таблица 2. **Отношение жителей Украины к представителям различных национальностей, март 2005 г., %**

Национальности	Я согласен (на) допустить представителей данной национальной группы в качестве							Индекс социальной дистанционности от... (шкала 1-7)
	Членов семьи	Ближних друзей	Соседей	Коллег по работе	Жителей Украины	Посетителей Украины	Вообще бы не допускал бы в Украину	
Азербайджанцы	1,7	2,7	5,6	3,0	12,4	47,8	26,3	5,69
Американцы*	2,6	5,7	4,4	7,8	8,4	56,8	13,9	5,38
Арабы	0,9	1,6	2,3	2,3	6,4	55,3	30,9	6,00
Афганцы	0,9	1,3	2,2	1,9	6,4	50,2	36,5	6,06
Белорусы*	9,8	16,8	18,9	6,1	22,9	22,9	2,8	3,96
Венгры*	2,4	5,8	12,9	5,4	15,2	50,9	6,7	5,03
Грузины*	2,2	4,4	9,1	4,3	15,1	45,7	18,6	5,35
Евреи*	3,2	6,9	10,0	7,1	24,9	35,0	12,3	4,96
Китайцы	1,3	1,7	2,9	4,4	7,4	62,5	19,1	5,77
Крымские татары*	2,2	2,3	6,4	2,7	35,2	33,2	17,4	5,34
Молдаване	2,7	4,1	12,3	4,0	25,2	40,7	10,5	5,08
Негры	1,1	1,4	2,7	2,2	8,6	60,1	23,3	5,88
Немцы*	3,1	6,0	7,4	13,2	12,0	49,5	8,1	5,04
Поляки*	4,6	7,6	14,2	7,2	15,8	44,7	5,3	4,76
Русские	29,9	18,6	13,6	5,8	20,7	10,9	1,9	3,13
Румыны*	2,5	4,9	12,5	5,2	13,7	52,9	7,7	5,10
Словаки	4,0	7,2	12,8	6,4	15,8	48,3	4,8	4,85
Турки	1,6	2,0	5,6	3,7	7,8	60,0	18,3	5,64
Украинцы	60,6	10,6	5,0	2,4	19,6	1,9	0,5	2,19
Украинцы, живущие в других странах	26,8	25,3	7,3	3,3	22,4	12,9	1,7	3,14
Цыгане*	1,4	1,2	2,7	0,9	22,9	28,5	42,0	5,95
Чехи	3,4	4,8	11,4	6,5	13,9	52,8	6,6	5,06
Чеченцы	1,0	1,0	1,9	0,8	5,3	32,6	56,8	6,32
<i>Интегральный индекс национальной дистанционности</i>								5,36
<i>Интегральный индекс национальной дистанционности по 10 национальностям, отмеченным*</i>								5,09

Тем не менее в начале 2005 г. распространение ксенофобских установок в отношении представителей большинства национальностей уменьшилось в среднем на 1-2%, что нашло

отражение и в понижении уровня национальной обособленности жителей Украины: интегральный индекс национальной дистанцированности упал с 5.26 баллов в 2002 г. до 5.09 баллов в 2005 г. (Табл. 2). Напомним, что размеры этого показателя составили в столице в декабре 2004 г. 3.86 балла.

### Послесловие

Итак, шкала социальной дистанции может служить индикатором межгрупповой напряженности, мерой реального или потенциального межгруппового или межнационального конфликта. Межгрупповые отношения постоянно находят отражение в сфере межличностных отношений, существующие или эвентуальные проблемы в них оказывают прямое воздействие на характер социальных установок личности. Чем напряженнее отношения между членами разных социальных групп, тем менее они устраивают друг друга в качестве партнеров в межличностном общении и тем выше взаимные показатели социальной дистанции. Заметим также, что взаимные показатели социальной дистанции не обязательно соответствуют друг другу. В подтверждение этого тезиса В. Б. Кольцов приводит строки из шлягера советских времен: *от тебя до меня – долгая дорога, от меня до тебя – только позови* [9, с. 29].

Однако шкала социальной дистанции указывает не только на негативную сторону межгрупповых отношений. Ее показатели могут отражать и позитивные интеграционные процессы, и общественную консолидацию. В нашей истории про помаранчевый мир над Майданом мы встретились, к счастью, с оптимистической версией развития межгрупповых и межличностных отношений в столице Украины в непростое и тревожное для нее, а по большому счету и всех жителей страны, историческое время.

Была ли атмосфера удивительного миролюбия времен Майдана исключительным феноменом? В поисках ответа обратимся к замечательной книге признанного классика русской литературы и ее первого нобелевского лауреата Ивана Алексеевича Бунина. “Окаянные дни” – это по сути своей художественный дневник 1918-1919 годов с отступлениями в предреволюционную пору и в дни февральской революции. Это гневный и яростный монолог о революции, написанный человеком, ее не принявшим. На страницах дневника бушует улица: митингуют, спорят, угрожают коренные москвичи и пришлые, господа и барыни, офицеры и солдаты, рабочие и крестьяне, просто обыватели.

Откроем дневник. Первая запись датируется 1 января 1918 года. Читаем: “*Кончился этот проклятый год. Но что же дальше? Может, нечто еще более ужасное. Даже*



*наверное так. А кругом нечто поразительное: почти все почему-то необыкновенно веселы, - кого ни встретишь на улице, просто сияние от лица исходит” [10, с. 20].*

Ответ, по-видимому, следует искать в коллективном бессознательном Карла Густава Юнга. Вспомним, Майдан вызвал к жизни и предьявил и его участникам, и наблюдателям немало национальных украинских архетипов: от языческих древлянских костров под стенами мэрии до сотников - “полевых командиров” на печерских холмах. Оставляя эту гипотезу для дальнейшего развития или опровержения профессиональным социальным психологам, замечу лишь то, что осознание того, что «разом нас багато, нас не подолати» могло генерировать и невиданную доселе позитивную социальную энергию, и мощный мобилизационный импульс, и атмосферу братства и миролюбия, и, наконец, радость карнавального действия: Дух Майдана витал над всей страной, распространяя волны миролюбия, доверия и надежды в одних регионах и сея тревогу и разочарование в других.

Верна гипотеза или неверна, а факт остается фактом: измеренные нами индексы социальной дистанции указывают на достаточно высокий уровень межгрупповой интеграции и консолидации всех слоев населения в столице Украины в кульминационный момент Помаранчевой революции. Точка. Продолжение следует...

#### ЛИТЕРАТУРА:

1. *Bogardus E.* Measuring Distance // *Sociology and Social Research.* – 1925. – Vol. 9. – P. 299-308.
2. *Ядов В. А.* Социологическое исследование: методология, программа, методы. М.: Наука, 1987. – С. 98-102.
3. Рабочая книга социолога. – М.: Наука, 1976. – С. 225-228.
4. *Golovakha E., Panina N.* Inter-Ethnic Relations and Ethnic Tolerance in Ukraine // *Jews and Jewish Topics in the Soviet Union and Eastern Europe.* – Jerusalem. 1991. Vol. 14. – P. 27-30.
5. *Паніна Н.* Національна толерантність, національний ізоляціонізм та ксенофобія в Україні // *Україна.* – 2002. Моніторинг соціальних змін. – К.: Інститут соціології НАН України, 2002. – С. 445-459.
6. *Головаха Є., Паніна Н.* Готовність до соціального протесту: динаміка, регіональні особливості і чинники формування // *Українське суспільство: десять років незалежності.* – К.: Інститут соціології НАН України, 2001. – С. 189.

7. *Степаненко В.* Чи повернеться джин у пляшку? // Політичний портрет України. – 2005. - № 33. – С. 15-27.
8. *Паніна Н.* Українське суспільство 1994-2005: соціологічний моніторинг. – К.: Видавництво Софія, 2005. – 160 с.
9. *Кольцов В. Б.* Социальная дистанция в межнациональном общении: опыт построения интегрального показателя. // Социологические исследования. – 1989. - № 2. – С. 26-29.
10. *Бунин И. А.* Окаянные дни: Неизвестный Бунин / сост., предисл. О. Михайлова. – М.: Мол. гвардия, 1991. - 335 с.